

сматривался в качестве основного, ничем не противореча дореволюционной научной традиции с ее стремлением более четко отделять полевую этнографию от теоретической.

Здесь мы подходим к тому, что, по общему мнению, отделяет Малиновского от советских этнографов. Это — его пресловутый отказ от принципа историзма, который выражался в сомнениях по поводу надежности исторических реконструкций. Однако это чисто внешнее различие. В этом вопросе обе стороны непоследовательны в равной степени, но с обратным знаком. Переходя к конкретным исследованиям, С. А. Токарев высказывал положения, мало чем отличающиеся от позиции Б. Малиновского. В этой ситуации Малиновский вряд ли смог бы добавить что-либо существенное. С другой стороны, само утверждение о невозможности или ненадежности исторических реконструкций является, исходя из логики рассуждений Малиновского, не чем иным, как «теоретическим предположением» (*conjectural and reconstructive theory*), т. е. никак не должно — и не может! — влиять на результаты полевой работы. Здесь декларативный историзм и декларативный антиисторизм в качестве внешней формы одинаково бессильны по отношению к содержанию функционального, если угодно, системного метода. Находясь в поле и занимаясь описанием конкретной культуры, исследователь просто за неимением времени не в состоянии раздумывать, кто он — эволюционист или диффузионист, марксист или антимарксист. Таким образом, отказ от исторических реконструкций, явный или скрытый, как основной элемент функционального метода означает требование структурного подхода. Полевые исследования по самой своей природе являются синхроническими, т. е. структурными (ср. «контур», «конституция», «каркас», «скелет» культуры в работах Малиновского).

Об истолковании исторической реконструкции

Касаясь вопроса разумности проблемы исторических реконструкций в этнографии, следует иметь в виду общенаучный характер этой проблемы. Сложности с реконструкциями возникают, в частности, и в нарративной истории, пользующейся письменными источниками в том значении якобы объективных (раз и навсегда фиксированных) следов прошлого, в котором это понятие существует для историка. Ход рассуждений историка

почти всегда совпадает с исторической реконструкцией, в которой он вынужден использовать предположения в форме условных предложений, а именно: формулируются предполагаемые следствия, которые неизбежно должны совершиться при отсутствии некоторых компонентов в условиях. Обоснование таких предложений является нетривиальной процедурой, поскольку формально настоящее здесь выступает как причина прошлого [подробно см.: Грязнов 1982 : 108—11]. В сущности, говоря о ненадежности метода «пережитков» (т. е. исторических реконструкций), Малиновский, сам того не ведая, указал на существование этой до сих пор не разрешенной логической проблемы.

Система «поле—кабинет» представляет собой структуру этнографической реконструкции. Полевые записи выступают в роли «обломков» реальности, которые в кабинетных условиях соединяются, реконструируются в единое целое посредством заполнения обнаруживающихся пустот логикой и эмпирическими данными, почерпнутыми из имеющейся литературы. Одновременно такая двухступенчатая практика исследования поддерживает единство дисциплинарного пространства этнографии в части противопоставления понятий культуры и общества. Здесь все несколько проще, поскольку неразрывность терминов в выражении «культура и общество» воспринималась в советской этнографии как нечто само собой разумеющееся, будучи наследием дореволюционной российской этнографии. Теория этногенеза сама по себе отстаивает нерасчлененность этих понятий при определении предмета исследования этнографии. Московская кафедра этнографии строилась на принципе поглощения этнографии социологией. Такое негласное противостояние московской и ленинградской кафедр аналогично тем событиям, которые происходили в западной науке начиная с конца XIX—начала XX в. В Англии появляется тенденция к трактовке этнографии как первобытной социологии, в США этнографы больше тяготели к исследованиям по фольклору («умственным проявлениям человеческой жизни»). В конце концов это привело к размежеванию на социальную и культурную антропологию. Только в конце XX в. это в сущности нелепое противопоставление попытались преодолеть конвенциональным путем с помощью термина «социальная культурная антропология».

Известный скептицизм западных ученых в отношении этногенетических исследований основывается именно на излишне

категоричном мнении Малиновского о недостоверности исторических реконструкций. Согласно комметариям С. А. Токарева, он полагал, что знать прошлое первобытных народов мы не можем в виду отсутствия письменных памятников (отсюда название «бесписьменные народы») [Токарев 1978 : 235]. Поэтому в западной науке исследованиям по *этногенезу* были противопоставлены исследования по этноистории, посвященные отрезку истории первобытных народов, отраженному в письменных свидетельствах европейских наблюдателей с момента первого контакта до наших дней. Однако функционализм в своих основах не столько «гносеологичен», сколько «эпистемологичен» (см. выше мнение Малиновского), т. е. не запрещает, а только ставит вопрос о том, как возможны исторические реконструкции. Наиболее четко это выразилось в работах Рэдклифф-Брауна. Он писал о конкретно-историческом изучении отдельных народов, их внутреннего развития и культурных связей между ними, опираясь на письменные источники, если они есть, данные антропологии, лингвистики и этнографии («культурного облика»). Например, детальное изучение этих фактов позволяет определить приблизительное время миграции, разграничить культурные элементы более раннего и пришлого населения и таким образом реконструировать первоначальную культуру данного ареала [Radcliffe-Brown 1958 : 5—7]. В этом плане интересно мнение С. А. Токарева, который, с одной стороны, замечает, что метод Рэдклифф-Брауна в какой-то мере близок диффузионизму, а с другой — сочувственно относится к его мнению о поспешности выводов эволюционистов вместе с признанием рациональности идеи эволюции [Токарев 1978 : 240, 241].

Таким образом, система взглядов Рэдклифф-Брауна в своей основе принципиально не отличается от теории этногенеза в советской этнографии. В современном виде теория этногенеза стремится вполне гармонично сочетать в себе достижения трех основных школ этнографии: эволюционизма, диффузионизма, функционализма (в порядке появления). Другая сторона вопроса связана с тем, что при «этногенетическом» подходе сама этнография естественным образом гармонично сочетает в себе теоретические и эмпирические исследования. В системе подготовки этнографов, созданной Р. Ф. Итсом, теория этногенеза во многом пыталась заменить собой этнографическую теорию в целом. Это отразилось и в структуре кафедры (этнография и физическая антропология), и в его определении этнографии:

«Этнография — историческая наука о происхождении и этнической истории народов, формировании специфических особенностей их культуры и быта — составных частей мировой цивилизации» [Итс 1991 : 8].

Как известно, «дьявол» прячется в мелочах. Речь идет о явно археологическом акценте этногенетических исследований или, как вариант, исследований по истории первобытного общества (т. е. «археологии охотников и собирателей», в терминах западных исследователей). По словам Н. Петерсона, этнографический подход к археологии («этноархеология») играет важную роль, ибо аналогия имплицитно или эксплицитно присутствует во всех реконструкциях прошлого [Peterson 1971 : 239]. «Этнография, — пишет В. Р. Кабо, — охватывает жизнь народа в ее целостности, археология располагает лишь ее фрагментами» [Кабо 1979 : 95, 96]. Отсюда вывод: «Только этнография делает возможной социально-культурную интерпретацию археологических памятников, только она способна вдохнуть в них жизнь» [Кабо 1979 : 61]. Вопрос в том, какая наука, этнография или археология, занимается подобными интерпретациями. Очевидно, что, когда этнограф говорит о реконструкции древностей, он имеет в виду археологические памятники, следовательно, становится на позиции археологии. Реконструкция этногенеза или истории первобытного общества — это археологическая задача. Археолог мыслит проспективно, поднимаясь от нижних слоев к дневной поверхности. В сфере этногенетических исследований этнограф может остаться этнографом только в том случае, если интенсифицирует структурные (синхронические) исследования этнографической реальности. На этой основе может возникнуть только ретроспективная картина.

В кулуарах науки Р. Ф. Итса иногда упрекают за то, что, сосредоточив внимание на этногенезе и этнической истории, он таким образом вводил этнографию в слишком узкие рамки (теперь можно утверждать, что это рамки археологии). Однако при более внимательном взгляде теория этногенеза как университетская дисциплина вполне эффективно выполняла функцию общетеоретической основы этнографии по крайней мере на стадии обучения. Комплексный метод, будучи благим намерением объединить предметы различных наук, выкладывал дорогу к единству предмета этнографии. Кроме того, в советские времена это означало если не отказ, то во всяком случае тенден-

цию отодвинуть на второй план теорию «базиса» и «надстрой-ки», когда функция этнографии сводилась к бесконечному обоснованию первичности «бытия» по отношению к «сознанию» и построению «периодизаций». Таким образом, этногенетическая концепция, с одной стороны, на практике объединяла теорию и эмпирический базис этнографии, поскольку полевая работа рассматривалась как сбор данных для этногенетических построений, с другой — выступала в роли парадигмы, т. е. базовой теории, в рамках которой можно создавать частные теории в соответствии с требованием единства стандартов постановки и решения проблем.

Конечно, дисциплина, ограничивающаяся исследованиями по этногенезу и этнической истории, представляет собой простейший вариант этнографии, но это целостная система, живой организм, способный к саморазвитию. В какой-то мере кафедра этнографии и антропологии в течение одного-двух десятилетий повторила тот путь, который мировая этнография прошла за двести лет. Вспомним, что этнография в роли самостоятельной дисциплины возникла из тезиса о необходимости отделения истории народов от истории государств. Создание кафедры этнографии и антропологии было воссозданием этнографии в России по той же схеме, по которой она впервые строилась в XVIII в. Как и в момент первичного формирования, этому предшествовал довольно длительный допарадигмальный период существования этнографии как науки. Это период, когда, по определению Куна, ученые уже есть, а науки еще нет [Кун 1975 : 133, 206].

Фиксация, систематизация, интерпретация

Также уместно вспомнить, что рождалась этнография в поле, именно как полевая этнография. Собственно говоря, создание эмпирического базиса, выделение предмета исследования и является содержанием первичного допарадигмального периода в развитии этнографии. В данном случае выделение предмета совпадает с созданием парадигмы, т. е. некоторой образцовой теории.

Означает ли это, что *полевая этнография* сама по себе является парадигмой *этнографии в целом*? Отечественные этнографы определяют этнографию как науку, основанную на методе непосредственного наблюдения (в отличие от других,